

Юлия Тишковская

**БОГ
ЛЮБОЙ
СЛОЖНОСТИ**

Москва 2013

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Т47

Тишковская Юлия Игоревна

Т47   **Бог любой сложности: Стихи.** — М., 2013. — 184 с.
978-1-304-63980-6

Это вторая книга стихов Юлии Тишковской — поэта, которого отличают «ненадрывность речи в сочетании с масштабом высказывания» (Линор Горалик) и «обращенная к себе одинокая жесткость» (Александр Уланов). «Выдаю действительное за желаемое» — пишет Тишковская, и у нее это получается естественно и убедительно.

© Ю. Тишковская, 2013

Юлия Тишковская родилась и выросла в Санкт-Петербурге. Окончила отделение сурдопедагогики Российского педагогического университета имени Герцена. С 2000 года живет в Москве. Участник московско-калининградской литературной группы «РЦБ». Печатается в сетевых и бумажных изданиях с 2003 года. Первая книга — «Дальше зрения» — вышла в издательстве ОГИ в 2005 году.

* * *

сохраняй
свое минимальное преимущество,
сборная человечества

* * *

твои жернова мелют слова
о том, что будет
тогда, когда.
а вместо дел выходит лишь скрип да крик.
и я кричу, кричу до тебя,
что уже охрип

пустомеля ты, пустомеля.
где тела твоих слов?

как же так:
для моего скромного
да для всех обеда
не допросишься у тебя
зимой снега да летом хлеба

как же так
дослужить до конца мою обедню?
не докличешься до твоего
сухого неба

пустомеля ты, пустомеля.
тела твоих слов
заблудились в открытом небе.
дела твоих слов
заполняют колодец неба,
из которого никогда никто не напьется.
десять тысяч слов — в агонии,
и ни одно из них не зачтется

пустомеля ты, пустомеля.
славишь мир,
в котором будут слова без тел.
справишь мир,
в котором будут слова без тел.
как ты справишься с миром,
в котором будут слова без тел?

* * *

бродячий человек
пришел.
пришел бродячий человек.
да я сама испугалась,
когда он остался

* * *

а ведь нет,
мимо этого не прошел.
можешь долго себя успокаивать,
чтоб спокойно молиться на ночь,
не запомнив всех слов
небывалых наших молитв
за себя о других.
и тогда мы такие маленькие,
что нам кажется — просто спим.
при крещении дали имя,
но невнятно произнесли
или тихо сказали.
вот идем и слушаем — вдруг кто выкрикнет,
по дереву простучит.
это — такая жизнь:
изнутри тикает,
но не взрывается, а дрожит.
от этого не убежишь,
сколько б ни выпил.
и вдруг вызывают к стене,
и кошелек не просят,
не видят тела.
ты судорожно пытаешься
простить перед смертью
все, что они собираются делать.
и в награду — не больно,
и почти не боишься.
а они ничего не делают и уходят.

а ты остаешься зачем-то жить,
такой смешной и противший.
слишком просто было тебя убить.
ты сползаешь по этой стене вниз,
закрываясь рукой в побелке.
у тебя нет права на смерть,
только право на жизнь и на свет.
безымянны пути твои, Господи,
в бездорожье наших теплых молекул

* * *

выносил бы кто за меня
мусор,
насморк,
толпу на кольцевых станциях.
а я займусь главным:
буду делать это
за всех

* * *

старыми дворами без людей —
к сердцу твоего дома.
как партизанскими тропами,
как подкостровыми песнями,
сияющими огоньками
он встретит,
обнимет,
скажет:
ты ведь уже большая,
раздала каждому.
может, на пенсию, может, на отдых
уехать куда-нибудь к морю?
ей не больно спорить
там, где она права,
а слегка щекотно.
и тепло от окон
не отданных внаем слов.
там, куда мы идем, светло

* * *

он умер за наши грехи.
а мне все равно умирать.
пусть это будет за грехи Володи из третьего подъезда.
он всегда пьян, громко хлопает дверью,
скандалит с деревьями.
Володя, я умру за тебя.
и за меня тогда
кто-нибудь тоже

* * *

когда чего-то нет,
то, значит, слишком много.
когда же кто-то рядом, у локтя,
срывает этикетки от бутылок, —
ты понимаешь, что уже простились
в порту, на остановке, на вокзале;
уехали, не помнили, не знали,
с каких бутылок,
до каких широт,
и с кем, и где, и как он проживет
остаток дней.
прими от сих щедрот
да сколько унесешь.
а что осталось, в землю закопай,
и он взойдет, твой персональный рай.
твой персональный грех
прикажет долго жить,
и ты опять ночуешь в нем,
а жизнь —
как замороженная стройка за углом,
где не хватает средств и сил.
а персональный ад воскреснет и пробьет
асфальт, и новых грешных в хоровод
так сладко приберет.
долг красен векселем,
душа поет,
а тело потанцует и уйдет,
с бутылок этикетки отскребет,
обклеит лоб и локоть разобьет,
пройдет по саду, души подберет —
да сколько унесет

* * *

больше всего любовь похожа на бессмертие,
а мы — на нее

* * *

баба Таня и баба Галя
вместе — два километра до школы,
вместе огурцы продавали
потоку машин.
баба Галя и баба Таня
прошагали лучшие дни
по грязи
в сапогах и халатах
и не плакали.
баба Таня и баба Галя
и поныне рядом.
на кладбище у реки

* * *

как будто кто-то постучал
с той стороны,
и мы услышали,
к нему тянули руки
и звали, чтоб вошел.
а он стучал, стучал.
не видел нас, не помнил.
и не вошел.
и не войдет.
и мы выглядываем в окна,
слышим стук.
все тише он.
все медленней и реже.
и звать сильней.
и дверь снести совсем.
и окна выбить.
дома больше нет.
лишь мы размахом рук
зовем и плачем.
не слышит вновь.
стучит он и уходит.
и ищет новый дом
с дверьми.
а мы доламываем рамы и — в костер.
теперь мы знаем:
когда б стучали мы ему,
то он бы не простил,
и в уши — теплый воск
растаявшей свечи.
а свечи пахнут медом и горят.
горят во всех церквях,
как мы,
когда заходим, просим и уходим
и говорим «спасибо»
той стороне от этой стороны

* * *

книга жалоб и предложений
небесного автономного округа.
мы — такие разные,
и все-таки мы — верим:
нам будет плохо,
но нам не сделают слишком плохо.
нас встретят по вере
каждого в своего Бога,
и он персонально отмерит,
что плохо и слишком плохо

* * *

одиночество человека
с надорвавшейся петлей на шее
перед открытой коробкой
шоколадных конфет

* * *

скажешь красиво —
а получается ни о чем.
скажешь о настоящем —
словно толченный кирпич
в связки проник.
нам шершаво и горячо.
мы улыбаемся только когда молчим

* * *

когда нежность у горла мешает дышать,
иди и выплескивай в звезды.
пока дойдет до какой-нибудь звезды,
ты успеешь состариться,
а может, и умереть.
а она летит себе, —
любовь тех, кого нет,
к тем, кого нет.
послушай, ведь нас же — нет.
а она летит себе и летит.
ради этого стоит ее запустить
прямо сейчас

* * *

нам бы, что ли,
образец какой дали:
вот будешь хорошим, вынесешь все, не
озлобишься —
станешь счастливым и светлым,
как Ваня,
как Вася,
как Коля.
но не сразу на небо,
а пожить еще так, для примера,
чтоб другим неповадно.
объяснять, как не надо,
и Ване,
и Васе,
и Коле.
в наступившем на ногу,
в нагрубившей в колбасном отделе,
в соседке, бьющей ребенка по пьянке, —
видеть главное.
неугасаемое.
пуленепробиваемое.
как в Ване,
как в Васе,
как в Коле.
нам бы, что ли,
образец какой дали.
но не святого,
а обычного, рядового.

хватит Вани,
и Васи,
и Коли.
хоть кого-нибудь, а?
мы-то верим, что все узнаем.
и вот оно медленно настает,
наше скоро

* * *

у нас есть все,
в том числе надежда
на теорему Пифагора,
шариковую руку,
полторы тысячи километров неба,
возможность называть придумавшего все это
разными именами,
в том числе и своим.

у нас есть все
для роста и развития:
землетрясения, вулканы, цунами,
голод, холод, массовая агрессия,
смертельные болезни,
несмертельные болезни,
одиночество и соседи.
мы почти готовы к обратному переходу
из суши в небесное море.
на новую ступень эволюции.
без слов,
без осени,
без багажа

* * *

на любую голову натянется
резиновая шапка.
не намокнет
все, что шатко.
на любую голову подберется
безразмерная каска.
не сожжется
все, что ясно.
на любую голову белый бинт намотаем.
но то, что красно,
все равно проступает.
все, что важно, опять проступает
из сердца до головы,
от центра до края.
не намокает.
не сгорает.
себя бережет, рискует нами.
нашими неприкрытыми головами

* * *

баба Таня
с пустым ведром —
через всю деревню

* * *

цыплята по осени считали
свои попытки остаться в чьей-нибудь памяти
и не заблудиться там.
свои попытки когда-нибудь превратиться
в большую и полезную птицу,
хотя бы нести яйца.
трудиться, не покладая крыльев,
не вырастая в унылого обывальца,
под чувством вины сохранять невинность.
цыплята расплачивались городами,
какими-то странами с неизвестными марками,
профессиями, постелями — и не знали,
где же она, граница попадания из холода в жар.
цыплята по осени считали.
недосчитались самого младшего,
искавшего одуванчик в стоге сена.
теперь, Господь, когда его нет,
самое время исполнить свое обещание:
сделай море вровень с его коленом,
чтоб маленькие мы
вылуплялись, любили и уплывали,
как легкие парусники,
в пасть неба

* * *

задал задачку ты мне
да тычешь листком с ответом:
вот как должно быть.
должно сойтись!
ну посмотри.
что мне ответы.
сизу над первым действием.
объяснения не помещаются в скобках

* * *

обыкновенный человек листает
книгу жалоб и предложений Богу.
Господи, спасибо за наше счастливое детство,
за то, что родители развелись в моем малолетстве
и не узнали, как это — стареть вместе.
потому у меня натура поэтическая,
система нервная очень тонкая,
не лезу в розетки, берегусь электричества
и разбитых термометров.
спасибо за тараканов, Господи:
они научили меня бояться одиночества.
спасибо, Господи, за акты террористические:
они научили нас
любить этот мир.
с болью привычной,
заляпанный кровью мир.
частично не понимая,
условно не принимая,
любить, прощая
тех, кого не спасти.
тех, кого не жалко прощать.
согреть, донести, не дать пропасть.
и еще
спасибо тебе, Господи, за конфеты «коровка».
ведь нам ничего не надо.
лишь бы любили,
были живы. и ладно. и только.
нам бы — церковные кладбища,
зеленые пастбища

да футбол на каждом канале
и без рекламы.
и мы справимся.
и мы втянемся.
и мы все сделаем сами.
мы сильные, чтоб любить тебя, Господи.
мы поставим свечи,
разобьем об пол переносицы.
вот только, Господи, ни словечка,
не отвечай нам, очень тебя просим.
мы пожизненно добрые.
это не так уж плохо,
но не зачтется в итоге.
мы живы.
это простится нам.
до скорого

* * *

даже если узнаешь,
будет ли дальше лучше,
будет ли дальше хуже,
будет ли дальше, —
правильней всего
смеяться. смеяться.
тогда тебе поверят
в любом случае

* * *

где же граница боли?
там, где начинается любовь.
и по науке мы будем помнить
первое, последнее и, скажем, седьмое, —
то есть что в середине.
а на деле любим,
заглядывая вперед.
и боль лишается силы,
у нее отнимаются ноги
и тревожно сводит живот.
и там, где раньше бурлило
целое ее море,
остается маленький краешек,
затопленный островок

* * *

знать, что ты есть —
как жить зимой в городе с морем

* * *

пока ты спишь,
не проспять бы твое дыхание
в других ли городах, на одном полу ли.
нам вернули долги,
чтобы мы не вернулись.
не смели начать заново.
пускаем пластинку по кругу
и ждем, ждем, ждем
обыкновенного чуда.
не кровь за вино, а попроще.
ну что же ты.
попроси его четче.
может, поймет, что нам надо

пока ты проснулся — хвастаю:
твое сердце отстучало нам время
от «будьте счастливы» до «честь имею»,
и тычемся
от предвкушения до прощания
с непощением
всех неисполненных обещаний.
без истерик, но с эзотерикой
пускаем друг друга по кругу
и ждем, ждем, ждем
обыкновенного чуда,
дня радости,
вечнозеленого снега.
всего на обмен осталось-то

полземли за полнеба.
абсолютное равенство:
благие бомжи, грязные бизнесмены.
земные бомжи, небесные бизнесмены
все мы.
все мы в святой воде по колено.
и всем кланяемся.
и все кланяются,
а на заклятие
все мы, все мы, все мы, все мы.
такие дела.
такова структура момента.
вселенский налог как рента

* * *

встань справа меня.
встань слева меня.
впереди, сзади меня.
от перестановки мест
меняется точка зрения.
не меняется сумма

* * *

протяни руку, дотронься где-то в районе плеча.
это страшнее всего того, что ты изучал:
взять и прощать, и прощать, и прощать
до самого дна, до начала

родители развелись,
кто-то умер,
отец алкоголик —
не важен состав:
наш мир изначально горек,
чтоб ты, посетив его, затвердил, запомнил:

прощение — самое главное, самое трудное чудо,
как возвращенье домой навсегда оттуда,
где учителя несправедливы,
и мир взорвался где-то ниже пупка.
она на тебя не смотрит, не замечает.
и ты бесконечно мал.
от звонка до звонка
ей, родителям, миру, Богу —
не прощаешь все, не прощаешь

деревья — выше.
стройки — стремительней.
дома становятся старше родителей,
чьи промахи с каждым годом все незаметней.
мы все потихоньку мудреем
на пороге прощения

плачешь. и вот — началось. наехало.
как донесла внутренняя разведка,
ты рассекречен, и с этого места
можешь считать себя человеком.
и уже — не скалтурить.
прости нас всех.
и пусть останется крохотная надежда,
что мир, как мячик, покатится прямо с горы,
но удержится
за секунду до затычного прыжка в высоту

* * *

давай перейдем,
пока человек не начал мигать.
мигающий человек —
верная смерть
от электрошока, потери крови,
болезни, аварии.
это все мигающие человечки.
они предупреждают тебя, предупреждают:
дескать, вот как бывает.
не слушаем.
хотим добежать, успеть.
вот середина дороги,
а он уже начал мигать

* * *

люди, красивые чем-то
и с виду довольно успешные,
однажды придут и поведают:
похоже, смерть неизбежна

это ли ангелы,
милые ангелы,
несущие нам весть долгожданную?
мы — здесь.
в офисных креслах.
в поте лица.
в полной нирване

прокрадываясь незаметно
под прикрытием Эйвона и Орифлейма,
приходят и говорят:
не помогут ни дети,
ни основательное их неимение,
ни журнал интернетный,
ни сочувствие,
ни петиции к жестокости мира.
только привкус смутной трагедии
в сочетании с запахом собственного бессилия

и уходят куда-то внутрь.
наши руки позорно дрожат.
телефоны разряжены.
мы стоим,

и сквозь храп конди-
ционер
подступает странное чувство тяжести —
будто дали нам на руки
кого-то вроде бомжа
и заставляют качать его
и засыпать под общую колыбельную:

дайте быть неминуемому,
случиться тому, чего ждешь, ждешь.
не поминайте смерть всуе
в офисах, за рабочим столом,
с вечно свернутой почтой.
улыбайтесь — и вы дождетесь
заветной памятки,
шанса быть среди прочих,
места в вагоне общем
смутно знакомого поезда,
уходящего вертикально

* * *

вот так присвоить себе чужую смерть —
и вылупиться из собственной жизни

* * *

и промолчать о простых вещах:
когда тебя у метро встречать
и сколько сахара в чай.
обо всем остальном нужно сказать,
чтоб не сглазить

* * *

в наши комнаты, где стоят столы и стулья,
мы однажды приводим кого-то еще,
чтобы кто-то был и видел эти столы и стулья
так же, как мы.
чтобы мы могли сказать ему:
смотри — вот столы и стулья,
вот стулья и столы.
и он ответит: ага.
и как будто так будет всегда:
столы, стулья и кто-то еще

мы однажды приходим в наши комнаты,
где стоят столы и стулья,
а кого-то еще —
нет.
и вот уже нет столов и стульев,
потому что нам некому сказать:
смотри — вот столы и стулья,
вот стулья и столы.
и нас нет,
если кто-то еще не скажет про нас,
что мы — вот,
и не ответит «ага»
пустым комнатам

* * *

Елене Харченко

встречать Новый год в Урюпинске,
на центральной площади.
на один день заскочим.
решили, что там будет стоять Ленин.
и ты тоже туда приедешь.
я ловлю тебя у касс дальнего следования
на Белорусском вокзале.
ты говоришь: ну хватит о смерти,
я и так о ней все знаю,
да только ты посмотри в интернете —
может, автобусом можно доехать.
на поезд все взяли.
если куда мне и хочется —
это в Урюпинск по снегу.
выпить водки на главной площади
и уехать.
ты же меня понимаешь?
салаты у телевизора
смотришь — и спишь, в общем-то.
другое дело — проехать ночь.
выходишь — все незнакомое.
лица все удивительно новые,
ну кроме Ленина

Урюпинская центральная площадь.
все мы там встретимся.
все мы туда приедем

* * *

веселая эстафета.
победит тот, кто остановится первым.
отстающие нарочно —
дисквалифицируются

* * *

Мертвое море — изнанка Великой пустыни.
по нему как посуху
в поисках своего Моисея
мы пойдем
соляным путем

* * *

памяти П. С. Полтыревой

наша классная руководительница Полина Савельевна —
самая настоящая еврейка.

мы все знали об этом.

Полина Савельевна — это алгебра и геометрия,
Цветаева и ранний Маяковский.

и мы.

мы все знали об этом.

дома на «Парке Победы» — маца в хлебнице,
пресная и сухая.

мало кто знал, что это вообще такое.

Полина Савельевна — это прогрессирующая болезнь
имени Паркинсона.

это мама в Израиле и сын в Америке.

ее зовут — она не уезжает.

ведь у нее есть алгебра и геометрия,

Цветаева и ранний Маяковский,

маца в хлебнице

и мы.

когда она пишет на доске,

держит одну руку другой,

чтоб не дрожали строчки,

чтоб получалось хоть что-то.

чтоб мы и с самых последних парт

прочли условие этой задачи,

не теряли урока.

паркинсонизм, говорят, не излечивается.

самая настоящая еврейка.

ее зовут.
она пишет двумя руками.
и мы.
самая настоящая.
пятидневно на доске сердца
решается главнейшая из задач

уехав, осталась навсегда

* * *

почистил зубы,
щетку сполоснул,
намылил руки.
закрыв глаза и
отошел.
внезапно и легко
воскрес.
не надо больше тратить пасту.
не надо книжек новых, новых полок.
не надо умываться.
Мойдодыр
загадочно смеется и уходит.
и вдаль тебя зовет.
и ты, — ты
грязным неумытым поросенком
бежишь за ним.
все собрались.
все ждут тебя.
и ты приходишь.
ты приходишь чистый

* * *

в который раз повис над кипящей жизнью,
ухватившись за очередного человека.
выдержишь ли ты
его тихие слабые руки,
глаза, летящие вниз,
свою откровенную капитуляцию,
обетованную землю,
полное одиночество,
бесконечное счастье

* * *

а мы отдалялись все больше.
бросали гребень —
и вырастали леса из слов.
и кто-то из нас бросил платок:
качнулось озеро с привкусом неба.
и думали: как же случилось так хорошо,
что никто не пройдет.
и устали, легли на песок.
и слушали новости
по разные берега озера.
а оно отражало твое лицо
и мое лицо,
и держалось так строго,
каждого называя глупцом и слепцом.
а ведь это была такая любовь,
просто с разных концов и сторон,
которые сворачиваются кольцом
на пальце у Бога

* * *

гадание по Библии:

любит

любит

любит

* * *

зрелая смерть нарядна, как апельсин.
она продлевает жизнь почти что насильно.
ты знаешь, что умираешь,
и крутишься все быстрее,
шурупом ввинчиваешь свою шею.
и на тебя скоро натянут картину,
и будешь висеть на стене,
покуда не снимут.
а смерть улыбается и приглашает тебя на каникулы.
заворачивает в платок, предупреждает родителей.
и ты непременно увидишь Рим.
и ты так рад,
что увидишь Рим

* * *

птицы, зачем вы просвистели все дни?
военная тайна —
теперь просто реклама какого-то
чудодейственного средства
для увеличения любви, —
сообщение,
которое будет доставлено
только после того, как его забудут

* * *

предохраняйся от сладкого.
а кто принесет конфетку, подкрасит оградку?
будет темно и сладко,
тепло и страшно.
гляди: вырастает дерево
из намокшей бумажки.
вот наконец и тень тебе
по ту сторону ляжет.
не напечет больше лоб,
обклеенный дважды.
поп
откричит и уйдет,
шатаясь.
а то, что под землю не умещается,
стоит под деревом
и поет

* * *

долговечнее автомобильных двигателей,
счета футбольных матчей
память о том, как не любили.
перед сдачей учебников
в главное книгохранилище
сотри
любые пометки:
могут не принять.
заставят покупать
новую жизнь
или заменить равноценной

* * *

и вот когда камни осмелятся стать песком,
ты узнаешь о жизни все:
главное ее ремесло —
сглаживание углов.
обутым да в камни — легко.
а попробуй живой ногой.
другое дело — песок.
он не мертвый, просто ему все одно —
кто и зачем по нему ходит.
легкий такой, горячий и золотой.
его мелет Господь.
он верит, что это — море

* * *

блаженны нищие дух-
ами французскими,
быстросохнущим лаком блестящим,
билетами за Кремлевскую стену,
цветами на черных машинах-таксах

а также
друзьями, всегда звонящими вовремя,
детьми улыбающимися, пьющими кефир без сахара,
блокадными бабушкой с дедушкой,
совершившими свое последнее путешествие
из Ленинграда в Москву,
любовниками тихими, молчащими

а также
честностью;
несмотря ни на что,
исполненностью спокойствия
на лице и в сердце
и верой в таблицу умножения
блаженны нищие

блаженны нищие всем, что есть.
ибо их царствие
небесного секунд-хенда.
на все будет стопроцентная скидка

* * *

обточенные морские камни
хранят внутри не изюм, а
самую страшную тайну —
как они сделались гладкими

* * *

маленький толстый мужчина,
раз за разом сотрясая грушу на силомере
веселее высоких и сильных,
пританцовывает после трехзначных цифр,
машет руками,
подмигивает женщинам,
собирает толпу

не знает, что поражен
сильнее, чем смертью

пусть вернемся без первого приза,
не замеченные в турнирных таблицах
состязаний на слабость и силу
заведомо смертных

* * *

Сергею Тихонову

в одном месте нельзя прятаться дважды.
всегда найдется тот, кто вспомнит
кино, которое долго рассказывать,
кота, вскрывающего дверь лапой,
очередную съемную комнату
рядом с чьей-то работой

совершенствуются лишь технологии:
ноутбуки вместо DVD-плееров.
совершенствуемся в технологии
избирательной памяти на лица.
ну же.
тебя здесь все знают, такого бездельника.
все знают места, где ты
можешь остановиться

поэтому, может, не заглянут,
не застукают, не настучат
знакомые слова как новые —
каждый сам себе демиург.
не спрятался —
разве он виноват?

слишком мало вариантов взаимодействия
мира с миром,
пустоты с пустотой.
слишком развязна подмигивающая бездна,
притворяясь твоей рукой

чем музыка громче, тем сложнее правила,
тем тише вокруг.
слышишь: звенят крестики
о тела наши пулепробиваемые.
слышишь: кто-то нажал shuffle
и не отпускает.
сердцу снова щекотно в том самом месте,
которое не прикрыть руками.
и это значит — все правильно.
тебя уже не найдут

* * *

смерть — это когда целое становится частью всего,
это растворение:
так теплая вода
съедает кристаллики стирального порошка

* * *

баба Галя, баба Галя,
почем ты продашь молоко нам?
приближается, гремя бидонами:
пейте, родненькие,
умирать будет легко вам
с молочным животиком полным.
с молоком умирать легко.
баба Галя, баба Галя,
почему ты уходишь?
посмотри мне в лицо.
баба Галя отворачивается,
не отвечает ни слова.
у нее нет любимых коров

* * *

ребенок, утешаемый другим шариком
взамен того, который он не сумел удержать,
отпускает этот второй
уже нарочно
и плачет так больно,
что первый шарик,
заблудившийся где-то в районе твоего дома,
внезапно краснеет
и отворачивается от земли

* * *

если ношу взял не по силам,
и уже невозможно не выронить,
ты в последний раз отдохни —
и неси ее.
и неси ее

* * *

а теперь поднимем руки и вместе отпустим тех,
кто нас держит

* * *

Александр Волкову

на руке появляется новая линия.
мы — пионеры второго захода.
боги заменимы.
люди незаменимы,
поэтому нас и много.
цель попадает мимо,
но ты обнимешь —
и в фокус сразу оба попадем.
мы будем в нем ходить —
два рукава пустые.
благослови от гриппа, чтоб прослыли
мы сильными отдельно, а вдвоем —
обманчиво живыми.
застигнутый на куче оправданий
ни в чем ничуть замешан не бывает.
и утонуть в сметане.
и наскочить на грабли.
остаться самым правым,
встав с левой половины.
такими мы и были —
нелепы и безумны.
все линии с руки
сошлись в одну кривую —
указывать на счастье.
и нам заменят мир,
как рубль с рваным краем,
когда мы встанем рано
и сунем паспорт

* * *

послушай.
я рассказываю эту историю
уже в десятый раз.
они жили, потом умерли
и так далее

что ты хочешь сказать этим
«и так далее»?
ты веришь в вечную жизнь
и бессмертную душу?

да что ты.
я верю в пластиковые стаканы,
резиновые перчатки
и неминуемый прогресс

* * *

не притворяйся, что вернулась с подарками,
а также
не притворяйся прошлой
и такой живой, Боже,
до невозможности,
не притворяйся,
выворачивая из-под арки,
не прячься и не таись.
просто мне умереть не сложно,
глубже спиной в кресло
вдавливаясь,
про себя считая в уме,
в остатке,
до сколько мы нам
продлеваем жизнь

* * *

а если представить, что пишешь письма
из лагеря военнопленных, скажем,
или из тюрьмы —
только одному человеку, —
многое становится ясным

* * *

и душа ходит без шапки,
мерзнет, не сдерживается,
уходит в пятки.
а ты приходишь однажды к Богу,
снимаешь обувь —
и босиком

* * *

а чувство вины он хранил
в левом кармане выходного пиджака

* * *

этот мир нас обнимает воздухом.
мы проходим по грязи
как посуху.
нам развилки считать не пристало.
мы влюблялись, потом перестали.
ведь поверхность планеты большая.
всех любили,
без опыта и до края.
как потомки ада и рая.
как поклонники динозавров.
как не спросим тех, кто помянет

жили мы, а потом перестали.
просто воздухом обнимаем.
он проходит сквозь нас
и нами же
возвращается к нам же

* * *

Елене Белобровой

на расстоянии в одно лицо
вдоль тела на спине
мешающие волосы
и лифт пришел пустой на твой этаж
не видела тебя

в больничном коридоре
вдоль стены
нельзя сидеть
его уже несут
ты хочешь посмотреть
туда
смотри
не видела тебя

дни щелкают
как шарики с куста
такие белые
чем больше — глубже щелк
ногой по ним
все дальше уходи
с собой носи
привычный микрофон
когда все за спиной
и за стеной
увидела тебя
теперь
и глаз не отвожу

* * *

на ирисках «золотой ключик»,
«барбарисках» и тянучках

а потом — на заменителях сахара.
на всех набранных и не набранных
килограммах, мужчинах и детях

а в конце —
может, самое славное:
чай из блюдечка
да с вареньем

* * *

цепь питания
как цепь любви
как цепь питания

* * *

и она говорит:
они все любили меня.
только я никогда не давала надежд,
никому не оставила шансов.
и они приезжали ко мне
и просили остаться.
но зачем?
и рассеянно слушать,
и видеть, что это — неправда.
пусть она в это верит,
так легче нам ехать в метро.
это в них, говорю, было что-то не то,
а не в нас.
и она замолкает
и видит тоннель за стеклом.
мы выходим прямо сейчас

они все оставались, —
я верю, —
и все остаются
до утра
и последней минуты
наших скомканных жизней.
и она улыбается в стекла
словно кому-то

но мы знаем,
что ей выходить

* * *

приходила, чтоб не застать

приеду,
когда уже никого не будет.
не хочу видеть.
не хочу случайно
столкнуться внизу.
у двери.
у подъезда.
у выхода из метро

приходила, чтоб не застать

не застала.
не поверила в это.
никогда не проверить,
сколько нейронных полей
мы сжигаем своей болью,
чтоб никому не достаться

* * *

как волны разбиваются о берег
и на глазах мельчают, —
так мы становимся спокойней и мудрее,
приблизившись к началу.
все меньше спим.
все длительней бодем,
и берег все отчетливей и злее,
а небо светит.
разбились мы,
но, может, и причалили

* * *

— почему ты смотришь порнофильмы?

— исключительно из этических соображений:

там все

друг друга

любят

* * *

с глазами внутрь себя
по улицам ходим, не останавливаясь.
глядим на крыши людей,
вступивших в этот стационар.
а город впитает обломки тем,
и крыши голов
и здания тел
составят привычный ландшафт

мы медленно повернем направо
у самой башни.
и нас еще можно догнать

у самого поворота
нас видно еще немного.
туда не доходят слова.
но нас еще можно догнать

* * *

поняла, что для меня еще входит в самое важное:
не ударить идущего следом за мной
дверью входа или выхода из метро

* * *

темными закоулками да тупиками
мы ищем то,
что нельзя было бы отнять,
что всегда останется с нами,
никогда не закончится.
от него отказалась зависть.
в последнем вагоне метро,
в случайных гостях
ищем то, что
живым часовым механизмом
стучит внутри нас.
оно давно найдено,
тайное волшебство,
сокровенный клад.
что же, давай превращаться в лопаты,
если больно копать руками

* * *

выдаю действительное
за желаемое

* * *

Сергею Тихонову

мы все-таки не едем в Мозамбик

африканские дети,
простите, пожалуйста, нас

вот качнулся диван,
и все дальше он стал,
Мозамбик,
Мозамбик,
Мозамбик

мы пытались менять этот мир,
начиная с себя.
постарались вот тут
и вот тут.
но ведь насморк,
и трудно вставать,
когда снег и темно.
и как будто закончилась жизнь

мы не едем.
мы снова не едем

это ж сколько утопий.
все — мимо.
и умные люди поймут:
в Мозамбике все будет
как тут:

и вставать,
и лекарства нести,
и кого-нибудь не спасти

мозамбикские дети,
простите, пожалуйста, нас.
Эфиопия, тоже прости

хорошо, мы поднялись с дивана
и смотрим вокруг:
Мозамбик — прямо тут.
его столько, что не унести.
волонтеры, Каширка.
скороходовы ольги
боятся спускаться в метро.
и ты можешь стать их профессором
Соколянским,
если чуть-чуть постараться.
это совсем легко

и что-то там делаем,
жертвуем,
успокаиваемся.
и кажется, будто уходит какая-то тяжесть

и тут она возвращается

Мозамбик не становится ближе.
мир по-прежнему неизменим.
ты согласен отдать кусок изо рта
какой-нибудь девочке из Анголы.
но ты не едешь туда.
не едешь туда,
и пустота,
возвращаясь в тебя,
чувствует, что попала домой

снова коришь себя за бездействие.
снова вздыхаешь: эх, интеллигенция.
и посверкивает диванной звездой —
то есть бездной

ольги скороходовы плачут:
а как же мы?
но ты помнишь только одно:
Мозамбик, Мозамбик.
Эльдорадо мое.
Иерусалим.
Атлантида

африканские дети,
простите, пожалуйста, нас.
но они не простят.
они ж просто не знали,
что мы собирались

быть добру, — говорит твой отец.
и он, разумеется, прав

Мозамбик прорывается в нас
и течет, ускоряясь,
куда-нибудь к морю.
мы не едем. —
да просто давно уже там.
утром снова проснемся в насморк,
но пустота,
дозвонившись привычно,
поймет, что ошиблась номером

африканские дети,
мы спасаем себя,
мы спасаемся с вами,
мы верим в наш скорый приход.

мы прощаем себя.
мы прощаем.
это совсем легко

быть добру, — говорит твой отец.
это значит, что скоро — добро

скороходовы ольги
спокойно заходят в метро,
не боясь турникетов.
мы все сходим на станции «Мозамбик»
и каждый день делаем эту жизнь
такой, какая она есть

быть добру, — говорит твой отец.
это значит, добро уже здесь.
вот идет его медленный поезд

* * *

необратимая доброта последствий

* * *

мы говорим:
ну хватит!
потому что так не бывает:
чтоб нам — столько,
и не расплатимся.
а потом нас стискивает
до потери памяти
этим даром,
доставшимся даром,
потому что умение принимать,
конечно, не отменяет шрамов,
но оставлено нам,
словно какой-то чудесный клад
под видом ручной клади

* * *

подождет ли тебя водитель трамвая?
если увидит

а вот недавно был случай:
двое бежали, сглатывали
свой совместный забег,
весело звеня рюкзаками.
только сели — все вышли

акkurat к самому воскрешению поспели,
стало быть

* * *

а ведь есть люди,
которым не холодно.
или они достаточно стойкие.
снег посыпает их, как подсолнухи,
белою шелухою.
или внутри у них — теплый дом
с тяжелыми шторами.
они бодро смотрят в щелочки
на того, кто уходит.
может быть, он еще
обернется на светофоре
и взмахнет полою пальто,
как помашет рукою

* * *

а потом душа где-то в новом теле шепчет:
знаешь, мне ни с кем еще так хорошо не бывало

а ты говоришь — обижаться

* * *

дети лечат деревья,
зовут кукол
и уезжают в колясках.
дети. они твердо верят,
что есть бабаи,
и потому — бесстрашны.
смотрят в глаза тому,
про кого все знают.
потом они вырастают,
стремительно становятся нами
и даже старше.
все так же кого-то лечат,
зовут
и уезжают в трамваях.
верят, что смерть придет
и всех уравниет.
а потому живут
и не кашляют.
дымят легкими
и посылают сигналы с башни:
снимите нас.
здесь до земли
слишком высоко,
а в небо — не каждому.
смените нас.
изнутри кусают бабаи.
нам стыдно смотреть в глаза тем,
кого мы близко узнали.

мы вылечили всех кукол
и пробуем звать деревья,
но то ли они не слышат нас,
то ли не верят.
снимите нас
на черно-белую пленку.
прекрасное групповое фото.
щелк — и птичкой мы вылетаем с башни
прямо в глаза ребенка.
по ту сторону
смотрим на мир как из окон.
и пока точно не знаем,
где потолок, а где пол,
сможем увидеть Бога,
отражаясь в трельяже,
когда мама готовит нам молоко

* * *

собирала, собирала,
сгребала к себе,
набивала карманы,
посмотрела —
а руки — пустые,
карманы — дырявые

а все потому, что
грести надо было не к себе,
а от себя

* * *

когда кажется — дальше расти нам некуда,
уперлись, ударились в небо, —
в нем внезапно открывается дверь.
пролезаем — и оказываемся на дне

и не помним, какое оно по счету.
потихоньку снова растем, заполняя его
пространство.
ведь надо же отработать
все, что дано авансом

например, дно Африки выслано ананасами.
мой папа сказал — это такой овощ.
и я отрабатываю, отрабатываю
все, что смогла запомнить

* * *

а прошлое и будущее —
всего лишь наши отговорки

* * *

как утекает грязная вода
сквозь дырку в ванной, —
так больше ни за что и никогда
не согрешить нам ни в большом, ни в малом.
ведь след ее теряется в трубе —
неведомом, отчаянном устройстве,
и не видать, какое же из дел
пошло во вред или сошло за пользу.
пройдя свой путь, вода откроет кран
и снова обернется чистой.
а нам с тобой лишь предстоит узнать
всю тонкость степеней очистки

* * *

вот начинают суп варить
такие повседневные дела.
есть что-то основное, без чего
не может быть еды.
и мы уже решили: будет суп.
его ты любишь, ну а я
справляться с варкой вроде научилась
в ходе жизни

давайте же без мяса, овощной.
мы много ели мяса, даже слишком.
а рыбного черед не подошел.
пусть овощной, но разный.
столько есть
у нас всего, что можно бы добавить,
что мы не смели раньше положить
в другие блюда.
их почти забыли.
вернее, помним, как готовили,
но вкус
как будто бы утрачен

чуть спорим о приправах.
важно здесь,
как никогда,
бывает чувство меры.
мы оба любим острое.
так что ж: приправы оттеняют,
только вот
когда их слишком много —

главный вкус
становится неявным.
это так:
все главное становится неявным,
когда оттенки, ноты и нюансы
меняют скрипки или флейты на трубу
и забывают ритм

и вот уже готово. как же страшно.
ты пробуй первый — я ведь интуит,
а стало быть, смогу сказать лишь после.
мы все пойдем потом.
когда съедем.
уже когда кастрюля опустеет.
пустеют даже самые большие
и самые тяжелые кастрюли.
нас так учили.
верно ль это,
еще никто не знает. слишком много
тех, кто во вкусе
так или иначе,
но разочаровался, и теперь
все время на диете.
а бывает,
вообще не ест

еда закончена. иные скажут:
остается только голод.
на самом деле, остается лишь живот.
и это хорошо,
ведь он — живой.
меняется и, стало быть, живет.
и греет.
он большой,
насколько ты его накормишь.
и, значит, человек не пропадет.
да просто не сумеет

* * *

такая вот эстафета.
такой вот испорченный телефон.
от земли к небу,
от неба к земле.
первый знал,
о чем говорил,
а нам
не разобрать, только догадываться,
кто напутал:
небо, земля ли,
ты ли, я?
или полное небо правды.
все небо —
правда

* * *

что ты несешь, гонец, какую весть?
я, очевидно, снова без подарка.
вот есть конец.
начало тоже есть.
а в середине — жарко.
наверно, это счастье. или ад.
да все равно.
ступай, гонец, назад.
неси себя обратно.
я здесь ни с кем бы не пошел в разведку —
всех слишком жаль.
и в этом, знаю, грех.
борьба с умом, конечно, не для всех,
особенно когда бороться не с чем.
разведай путь. возможно, будет снег:
так заблудиться легче.
да, так и быть.
по пояс в новостях,
мы осторожно тянемся обратно.
что мы несем?
нас слушать не хотят.
наверно, это счастье или ад:
когда так одинаково
всех жалко

* * *

Елене Белобровой

как на гору мы пошли:
ты с палкой, я с палкой.
и добрались до реки:
ты с палкой, я с палкой.
и ты говоришь:
давай из твоей палки
сделаем мост, чтоб нам перебраться.
и я говорю: давай

как идем мы на гору:
ты с палкой да я с тобой.
и встает перед нами город —
под голубым небом, но не золотой.
и ты говоришь: давай продадим твою палку
и купим еды нам в дорогу.
но у меня больше нет палки,
и я говорю: давай

как идем мы все на гору:
ты с палкой да я, наверно.
и раскинулась пропасть
от неба до неба.
и ты говоришь: ну клади свою палку.
выкладывай палку, прощайся с палочкой.
мы перелезем, едва держась,
и пойдем дальше.
но у меня дважды нет палки.
но я говорю: давай

как подходим к вершине горы:
ты с палкой, я дважды без палки.
и у входа — ворота,
а на воротах читаем надпись:
да оставьте одну из палок
и двигайтесь дальше
к вершине, вершине горы.
и ты говоришь: так давай оставим твою палку,
ведь у нас есть еще одна —
ее сохраним до нашей весны.
но у меня нет и больше не будет палки.
и я говорю: давай

как доходишь ты до вершины горы,
да как доходишь ты до вершины горы,
как доходишь ты до вершины горы?

трижды без меня
трижды без меня
трижды без меня

* * *

не воспевать не нажитого счастья.
не слышать собственного плача.
считать всегда до двух: подумал — сделал
и видеть плач чужой издалека.
бежать навстречу, чтобы не пролился.
считать всегда до двух:
увидел — улыбнулся.
в себя не тыкать пальцем.
руки не поднимать,
не опускать,
накладывать и слышать: заживает.
закладывать пусть часть души — не жаль —
за пару лет чужого счастья.
а всей души не заложить никак.
чем больше отдаешь —
тем меньше значишь.
чем меньше значишь —
больше вырастаешь,
чтоб вновь отдать.
не кончится. не надо.
и нет концов, чтоб в воду уронить.
и нет воды. и солнце светит небом.
считать до тех времен,
пока не скажут: хватит.
ты всех собрал,
ты всех вместил, ты мертв,
и в этом — прав.
и в том, что жил и будешь.

но если ты кого не считаешь,
как сети я раскинусь на дороге —
от крика удержать.
кого любили мы — те живы.
кого мы не любили — будут вечно.
и с кем не рассчитались — посчитайтесь
на «все отдам», и «все приму»,
и «все отдам»

* * *

и сидели мы высоко.
и болтали ногами
в пустоте.
потом кто-то из нас исчез.
занимали его место
своими телами
и сдвигались.
как тебя самого потянут —
начинаешь кричать,
как будто бы испуган и пьян.
а этот, кто тянет,
слушает и выбирает.
и чей крик его особенно задевает —
так того потихоньку валит,
чтоб продлить
чистейшее из всех звучаний:
когда внутри сигналист — «прощайся!»,
а ты только понял,
как жить

* * *

С КАЖДЫМ НОВЫМ ИМЕНЕМ
ДЛИННЕЙ ТВОИ СВЯТЦЫ.
КОРОЧЕ МОЛИТВА

* * *

Бог верит в любой способ любви.
если внутри у тебя стальной прут —
иди с ним, как будто живи.
ходи прямо, пока тебя не согнут.
а будут сгибать — не тужи.
скажи им,
что это не прут, а такая пружина.
хитрая отвлекательная машинка.
они непременно поверят и убегут.
есть много способов, чтоб любить,
но только один принцип,
когда внутри у нас стальная пружина.
и мы ходим прямо и остаемся живы.
как будто бы так и было.
как будто бы ничего не случилось.
как будто бы нас никогда не сгибали,
всегда любили,
всегда любили

* * *

когда мир кувьркается,
мы группируемся

* * *

сколько осталось слов до смерти,
спряжений, корней, суффиксов, междометий?
что бы ни говорили — любили.
кто бы ни говорил — любил.
ушел раньше всех.
почти не заметили.
не кивнули. не проводили.
но лишь бы дверь еще не закрыли
и замок не сменили.
зубной щетки не замочили,
света не погасили.
никого другого не ждали,
ни о чем не просили.
слов не считали.
что бы ни говорили — простили

* * *

девочка Клава:
вот если бы у меня был велосипед

девочка Яна:
если бы у меня был миллион долларов

девочка Вера:
если бы он не был так красив в форме

девочка Света:
если б я не нашла в его машине ту фотографию

девочка Люба:
если бы он не пил

девочка Маша:
вот если бы у меня была она

купите Клаве велосипед
купите Клаве велосипед

* * *

когда мы улыбаемся человеку, которого любим,
не ищите нас больше нигде.

мы только там.

и сердце — как барабан,
на котором он выстукивает

какое-нибудь незначительное тарам-пам.

а потом вдруг забудется, засмотрится, обернется,

а мы продолжаем как будто стоять и длиться

в надежде, что нас найдут раньше, чем мы вернемся,

а может, и прежде, чем мы смогли появиться

* * *

— Бог — атеист. он в тебя не верит.
— в меня — да. он верит сразу во всех

* * *

занимаешь очередь поцеловать икону,
а когда она сбудется, неуклюже стоишь, бормочешь:
мне бы...
а потом не выдерживаешь и грохочешь:
пусть все значимое станет весомым.
значимое — весомым.
каждому, каждому жителю этой очереди

* * *

смотри. человек вверх ногами.
это он улыбнулся
слишком резко

* * *

и когда просим:

«Господи, забери отсюда!» —

он думает:

«ну какие же дураки.

вот я перед ними открываю еще ступеньку,

а они все трут ушибленные колени

и верят в смерть.

им как Неве подняться б еще до отметки,

и тогда гранитные парапеты

откроют двери»

переступая через себя, не отступайся.

теперь ты знаешь главный закон его царства:

перестать любить — это значит сдаться

* * *

во что ты веришь,
закрывая мне рукой
глаза от солнца?

* * *

так они постояли какое-то время,
а потом разошлись.
одному было направо,
другому — налево.
включали чай,
пили свет
в доме на самом краю земли,
в квартире на дне неба.
и каждый думал о том, чтобы съехать.
сколько можно.
плата растет каждый месяц.
хозяин звонит по ночам,
говорит: приготовьте деньги,
завтра приеду

так они были вместе какое-то время,
а потом разошлись.
одному было в центр,
другому — в конец ветки.
запирали руки,
грели комнаты
в доме на самом краю сердца,
в квартире на дне души.
каждый думал: оставьте мне это,
и больше не буду грешить,
сколько можно.
плата растет.
хозяин опять звонил ночью,
хотел спросить, помнят ли?
но они не подняли,
и больше он не придет

* * *

у побед и поражений
одно лицо
в огромных черных очках.
мы прикрываем глаза,
когда их готовятся снять,
как будто к носу подносят
что-то большое.
мы так дальнозорки
в своей близорукости

* * *

еще про это просто не знала.
даже устала.
звонила-звонила, меняла тему.
в пятницу он уехал,
а она упустила.
оплошность. небольшая погрешность

в армии все, что заставляли, получалось назло.
а с виду — спокойный.
прогулочным шагом
туалеты, полы;
бесконечный невкусный чай,
пожалуй, согреет.
наверно, не насыщает

она у реки сидела, воду просила:
догони меня,
поворачивай, слышишь.
помоги мне найти какое-то дело
побольнее, повыше

ты сейчас читать не умеешь — какие письма!
там, откуда мы пытаемся не взорваться,
смысл в том, чтоб не искать смысла
в каждой из попыток не сдаться

не будет никакой милости,
никакой малости,

наград, разлук длиной в несколько человек.
просто кто-то вроде не сильно бросает мячик —
а попадает сразу во всех.
дескать, лови, человек, решай задачу,
ты же знаешь ответ

и эти все отбиваются,
открещиваются как могут,
плачут по уходящим на службу как на войну.
кому сердце заденет, кому — голову.
но до конца не убьют

она ждет
через все его армии.
он ждет
через все ее странствия
плюс частые отлучки
во внутреннюю тюрьму

что ни случается — нам ужасно везет.
одуванчики разводят руками, отпускают весну.
кто-то в тебе поболит, а потом пройдет.
что-то внутри не спит и никогда не заснет.
плачет,
распускается поутру

смысл в любви, вы говорите?
так мы и не спорим

она говорит ему:
вот вернемся — и все пойдем
побольней и повыше
армий, войн и тюрем.
где умрем, там и поселимся, заживем.
отдохнем, наконец-то увидим мир

* * *

рябины в городе
как сигнальные огни.
их зажигают те, кто терпит неизвестное бедствие.
зажигает, заряжает, не промахивается.
рябины в городе
как последнее,
неопровержимое доказательство

* * *

а ты помнишь, как мы ходили за хлебом
и думали, что если между людьми нет разницы,
зачем же кого-то любить сильнее?
ведь нет ничего, кроме неба.
там строгий контроль, даже снимать кожу.
что ты унесешь, куда положишь?
и не в кого выйти,
некуда покурить.
и так хочется взять что-то с собой,
пронести контрабандой, выпросить:
какие-нибудь осенние листья,
самые лучшие письма,
ребенка, плюющего кашу, —
захватить в тридешатую жизнь,
выслужить,
упрятать за краешек кармы.
а ты говоришь: не понадобится.
не сподобимся. не разогнемся.
не унесем.
руки пустые качаются.
вот-вот настанет — предстанем.
и, видишь, за хлебом уже не надо —
все никак не кончается.
потому что он безначален

* * *

и сколько б мы ни просили у Гудвина
чуть больше ума, чтобы рассчитать скорость сгорания вечности,
чуть больше сердца, чтоб любить сильнее невозможного,
или еще немного смелости отличать вечность от любви, —
он выполняет только одно:
возвращается,
возвращается сам

* * *

тот же и спас, кто теперь пасет.
в рот не смотрит,
а с самого дна как зачерпнет —
и на свет, чтоб просохло.
что там, живое, бьется,
по делам воздается,
крестится, просит оставить,
поставить обратно в стадо.
пересчитать нас всех,
кажется, и бессонниц не хватит, и калькуляторов.
но это — неправда.
ведь каждая из овец — на его счету,
который нам видится лицевым.
и что ни проявится на свету,
он не умоет рук,
и мы останемся чистыми

дорога жизни

посвящается бабушке и дедушке

два раза в день отзывать,
говорить: все в порядке,
нет поводов для причин
переживать за нас.
приезжать обещается чаще,
но получается как-то иначе.
получается как получается.
новости, которые не меняются:
похоже на инфаркт.
хлеб.
совет ветеранов выдал путевку.
только и есть у нас —
вы, несчастные.
деньги с пенсии —
это вам на все праздники

у дверей
прощаться навсегда.
по дороге к машине или метро
плакать,
беречь как надо
и как не надо.
равноценная какому-то простому раю
и непонятному аду
дорога из кухни в комнату,
из коридора в ванную,

на которой мы все
стоим и смотрим:
какие-то дети
и непонятные внуки и правнуки.
очень близко,
почти что рядом

когда кажется, что уходишь, —
остаешься.
на большой земле
много хлеба, и весь — даром.
получаешь как получается.
какая-то непонятная
простая смерть
очень близко,
почти что рядом.
но вы уходите от нее
из кухни в комнату,
из коридора в ванную
дорогой жизни
во все праздники,
принимая позывные
хлебного рая
и инфарктного ада
на одной волне
с нашими навестившими голосами

* * *

и только в ванной спрячешься за книжку,
как будто бы нечаянно гасят свет.
и стук по батареям.
и страшно так,
что вот война, окоп
и ночь, и где-то очень близко —
граница неприятельского фронта.
но вот встаешь
навстречу полотенцу,
отщелкиваешь дверь —
и льется свет.
и можно снова прятаться в подлеске
из слов, замуравшихся в бумагу.
вот только стук по батарее —
залп снарядов,
и место, где теперь твоя землянка,
не попадает в кадр

* * *

исключительно жизнеутверждающее
чувство конечности бытия

* * *

перебегай.
они не успеют заметить и заменить.
скажут — отстал.
заглянул в магазин.
остановился, чтоб поскулить

перебегай.
не хватятся.
не закричат —
приберегут

через себя,
через них,
через за что ни возьмись

что же на той стороне,
куда ты так рвешься?
дышишь как перебежчик

хочешь быстрее
увидеть

нехватишься.
не успеешь заметить.
не навредишь

мигали тебе светом.
долго мигали тебе светом —

что же на той стороне?
перебежал

ты
невозвращением
на все ответил.
все сказал

* * *

целое только тогда выйдет из части,
когда улыбнемся:
да бог с ними,
пусть будут счастливы

когда вторая щека
из-за квартирной дрязги
краснеет и подставляет
подписи на отказ

когда то, чем ты жив,
уместилось в одной горсти,
и его не сломить,
не отдать и не унести

тогда делитель
оставит в покое частное,
и делимое обернется
всепричастным

* * *

мы никогда не узнаем,
что именно нам простили

* * *

смотришь в стекло,
где отражалось твое лицо,
но там теперь — только пыль.
если бы можно было забыть
так же, как выключить свет:
раз — и все сделано.
но память-то — дура меткая.
углядит где бы то ни было
какую-нибудь деталь —
и будет держать под прицелом,
пока ты будешь ее отпускать
с миром.
составляя унылый список
потерь и приобретений,
так хочется не вспоминать,
а знать,
какая колонка окажется подлиннее,
чтоб можно было вообще в нее
не писать

* * *

и ты сам уже светишься,
разогнав столько темного.
может, немного фосфора
на места переломов?
будут белые, гибкие
шеи и головы.
сможем сложиться,
не хрустнув.
такие вот цирковые артисты
под куполом этой комнаты.
не свисти эту тему —
не будет жизни.
давай твоей маме напишем
большое смешное письмо,
как стали мы гибкие
от головы до ног.
значит, выкрутимся
и обойдемся без травм.
она придет, как только прочтет.
как будто больным,
нам везет мед
и привет от папы.
и мы уже светимся,
вовсю моем полы.
здравствуйте, мама.
да вы садитесь, мама.
вы шутите, мама?
Да,
похоже, что свет —
это мы

* * *

если б она родилась в мае,
ее назвали бы Майей,
а так
приходится звать по-другому.
в библиотечном детстве
она прочитала, что есть страна такая — Ангола.
там живут красивые негры,
стройные как деревья.
но их нужно называть «африканцы»,
иначе они обижаются.
потому что «негр» звучит как-то обидно,
особенно если ты из Анголы, —
она хорошо запомнила

если б она родилась в мае,
в Анголе —
ее называли бы черт-те как

не обижайте негров, шепчет она,
а заодно и китайцев, —
ну просто так

это так круто, Майя.
все негры, которых ты не обидела,
не умрут никогда.
твои негры не умрут никогда

* * *

ключ от открытой двери
брось с моста
в каком-нибудь славном чужом городе.
узник свободы выбора
в добром мире,
где смертную казнь
заменяли совестью

* * *

просыпаешься в пустоте,
глядишь куда-то наверх:
дай нам сил займы, —
отдадим — вот те крест —
с первой зарплаты

и так — почти каждый день.
и вот она — блаженная весть —
час расплаты

выкупаешь вексель.
оказываешься не здесь,
а всем вместе

из должников в кредиторы
летишь по длинному белому коридору
на свободу как на подмогу,
на подмогу как на свободу

* * *

за пять минут до посадки
на неровной поверхности твоих отрицательных ответов
понимаю, что угадала.
не врут только черепахи без панцирей —
открытым сердцем, —
задыхаясь колючим воздухом,
не зная, как сказать правильно,
куда наклеить пластырь,
чтоб мир не так жал.
в сторону выпуска шасси
из иллюминаторов смотрит Шива.
смеется.
зрители медленно хлопают,
всем спасибо.
точное время прилета
еще не зафиксировано,
но уже помнится
как потеря какого-то незаметного счастья,
победа,
бесчестье,
резкое снятие пластыря.
небесное попустительство
как невмешательство

* * *

пойдем, дружок, возьмем совочек.
грехи закапывать не стоит.
а что сто́ит — так снова тройка.
ни рай, ни ад.
ни рак, ни диабет,
а так, колено ломит к непогоде.
копать — не строить.
это не смешно.
и тихо. и торжественно. и пусто.
ой, что-то звякнуло
при всем честном народе.
должно быть, слава — хрупкая фольга
для запекания одной и той же мысли.
да ты не кисни,
это не моя.
непогрешима и тверда
твоя спина.
нас славой не сломить.
как здорово, что все мы здесь сегодня собрались
закапывать талант как будто клад.
ложись, земля, ложись,
за пластом пласт,
за кадром кадр.
так трудно хоронить.
так просто спрятать.
так хорошо посеять.
этот факт
нам стоило б учесть и взять лопаты.
да Бог нам в помощь, справимся и так.
талантлив каждый. скинемся по слову —
и ямка полная.
мы все здесь говорили правду —
нам наши лица не дадут соврать —

ты только хорошенько посмотри.
нам наши жизни не дадут схалтурить.
втянули воздух и себя надули —
не улететь, не лопнуть, не уйти.
о. кажется, нас кто-то не пускает —
чужая длань? молись, земля, молись.
а это ручка старая дверная.
веревочка возьми и зацепись.
а мы-то думали.
а вы-то знали,
как велики глаза у страха смерти,
особенно в неурожайный год.
зацепишься неловко — и войдет.
пойдем, дружок, пойдем уже вперед.
пойдем скорей копать.
земля нас ждет,
таланты остывают.
здесь будет город-сад,
мы точно знаем.
ты не жалей, горстями сыпь слова.
ведь каждое взойдет — душа живая.
и незачем нам знать,
как кладовщик-земля
товары принимает и считает,
бормочет что-то и слегка икает,
квитанции жуя.
стихами запивай, так будет легче, —
да знаю, говорит, —
проверенное средство.
и тихо. и торжественно. и пусто.
там, где мы ляжем, не бывает грустно.
там будет только трудно
и просто.
смерть знает в этом толк
в полный рост

* * *

приезжает, значит, и видит:
хлеба не запасли

как пойдет за ним.
как вернется

приезжает, значит, и видит:
воды не осталось

как пойдет,
наберет

приезжает и видит:
никого будто и не было

как пойдет,
закричит.
оживет.
поселится насовсем

скажет:
Господи, белый свет ты придумал
удивительно хорошо:
хлеб, вода.
ты да я

приезжает и видит:
все сбылось, все свершилось,
сгладилось, сохранилось.
вылилось, накрошилось

белый свет ты придумал
удивительно хорошо.
будто и нет способа умирать.
и живем, ворочаемся, придумывая хороший
повод не приезжать

* * *

Елене Белобровой

осторожно войдет, — дверь ни одна не скрипнет, —
тот, который перестанет любить первым.
скажет: время пришло

кто видел его улыбку,
уже не спит до утра,
не считает овец,
не стоит на коленях.
тот, который перестанет любить первым,
просит: скажи, что ты меня еще любишь

тот, который перестанет любить первым,
но еще не знает об этом,
пока жив
в нас
под другим именем,
мерцающим псевдонимом веры

когда мы плачем,
тот, который перестанет любить первым,
догоняет нас в темноте.
рассказывает о том, что теперь уже — навсегда.
ему так тяжело и сладко с нами,
не ставшими первыми

мы же близкие люди
отныне и навсегда
в мире последствий,
которые ты можешь и отменить,
будто бы все псевдонимы
обернулись настоящими именами,
неделимыми номерами

* * *

видишь ли ты наши старанья, Господь,
как мы отделяем зерна от слов?
а ежели вся обувь трет,
давай придумывать колесо

зачем тебе столько выходов,
куда выводят твои тоннели?
мы любим или жалеем?
куда проведет очередной сталкер,
кем проштампуется паспорт?

когда-нибудь мы все попадемся
месту, в которое нельзя опоздать.
зачем же спрашивать тебя, Господи,
когда есть осень и магазин «Авоська»?
возьми у них интервью.
они расскажут такое:
споткнешься или собьешься с дороги —
тебя настигнут и сберегут
в режиме свободы воли

* * *

тому, кого больше не видят,
негде укрыться

* * *

как мыльные пузыри
наши честные судьбы
тают, но тянутся вверх.
поверят сразу во всех —
не сдуются изнутри

летят, летят пузыри —
вселенские корабли, —
небесные задевают моря.
но что там, вдали?
прислушайся, присмотришь:
неужто земля?

мы знали, что плыли вверх,
но оказалось — высь
на дне корабля.
сходите.
по курсу — низ.
мы заслужили жизнь
и долгую, долгую память

* * *

если бы остались только два слова —
«нет» и «да»,
самое прекрасное объяснение в любви
звучало бы:
да?
да!
а самый трудный отказ
уместился бы во внутреннем кармане пальто
или демисезонной куртки

если бы остались только два слова,
ничего бы не изменилось по сути
как если бы не было слов вообще.
ни пальто,
ни куртки,
ни смерть

* * *

какой-то дорожный гений
мальчик в ковбойской шапке:
однополосное движение
в самое сердце инфаркта.
целое море асфальта.
в нем девять из десяти подлодок
не возвращаются из походов,
не отдают свои черные ящики.
самое сердце инфаркта.
оставь надежду входящему

* * *

плата, говорит, за перевод
с языка вавилонской башни,
на котором мы все говорим,
чисто символическая, —
немота

* * *

он так говорил «жимолость»,
что хотелось мне выпрыгнуть
из себя,
как дереву из собственных листьев.

он так говорил «жимолость»,
а оказался вымыслом,
и от зависти к его истине
я зависла

а после — выросла

* * *

зла не хватает на всех.
редкий счастливый случай
обделенности
в ненужном

* * *

трудно шел.
снаружи — с тобой как будто,
внутри — конечно, один.
долгими долинами,
проводами.
и едва решил заговорить:
ты был для меня
и морем, чтоб плыть,
и солнцем, чтоб греть,
и песней, чтоб петь,
и небом, чтоб падать.
кто я тебе?
и ответил
шероховатый голос
из мест, где всегда живут босиком:
дальше

и тот отправился дальше.
глянешь налево — один как будто,
направо — сразу с тобой.
долгими тропами,
этажами.
и снова узнать захотел:
ты был для меня
матерью, чтоб плыть,
ребенком, чтоб греть,
братом, чтоб петь,
другом, чтоб падать.

кто я тебе?
и ответил
шероховатый голос
из мест, где всегда живут босиком:
дольше

и поспешил
дальше и дольше,
за тридевять лет и три года.
снаружи — один как будто,
внутри — конечно, с тобой.
долгими зарослями,
чудесами.
и осмелел вконец,
и слов отпустил привязь,
и крика расплел сети:
все наказы твои исполнил,
шерстяной голос,
все заветы.
жду последнего твоего слова,
окончательного ответа —
кто я тебе?

и ветрит
шероховатый голос
из далеких, отсюда неведомых мест:
ты был мне
целым морем, будто матерью,
полным солнцем, подобно ребенку,
каждой песней, как братом,
всем небом, словно другом.
это я сделал тебя целым,
но не сделал
неподозревающим,
непросящим.
а поверхность земли не гладкая — шерстяная,

чтоб не скатывались в шары мы,
а от кусачего закалялись
и, не спрашивая, делали,
выпрямлялись.
долго шли
и еще трудней возвращались.
слышали голос внутри,
от него бежали, спасались.
рвались,
сетями раскидывались,
сеном стлались.
спрашивали, закрывая лицо:
за что? за что?
но мир хитрый:
не отвечает, только сам говорит.
спрашивающий сам дает ответы.
неподозревающий жив, как будто смерти и не было.
непросящий получает
сверх всех существующих обещаний.
и живут они свои долгие песни,
а потом улетают все вместе
в те места,
где всегда живут босиком.
и там становятся голосом,
который
вопрошают те,
кто идет той же дорогой.
вот оно, то, что светило,
то, что с тобой говорило, —
посмотри и потрогай.
видишь, просто любовь.
никогда ничего другого

* * *

будьте любезны,
предъявите, пожалуйста, душу, —
проверка документов
на вечность

* * *

возвращается внутрь меня как домой.
говорит со мной
как живой

дальше имени,
дольше судьбы любой
говорит со мной
как с живой

и мы наполнены как сосуд:
вот-вот цветы принесут.
вот будет плата,
вот будет суд,
когда они прорастут

* * *

смерть.

переход из освещенного пространства
в неосвещенное.

переход из неосвященного пространства
в освященное

* * *

Робин Бобин Барабек
спас души
сорока тысяч человек,
и коровы, и быка,
и, конечно, кривую душеньку мясника,
и души тех, что стояли в дозоре,
и тех, что не выходили из дома,
и души церковей он спасал,
и души соборов.
попытался спасти колокольню,
но не выдержал звона.
очень был количеством недоволен:
быстрей, говорит, бегите ко мне,
оставшие души.
живот мой болен,
поэтому тела не могу кушать.
вас спасаю я от тяжких грехов,
вмещаю в себя,
все — одно, все — в одну кучу.
это ли не райские кущи,
это ли не еда

* * *

несколько законов
избавления от суеты,
силы тяжести,
притяжения бытия:

отдавать после

выхода из церкви
(стоимость буханки хлеба)

выхода из дома
(стоимость оставленного)

выхода из любви
(цена человека)

выхода из смерти
как выхода из любви

* * *

жил-был один старичок.
он не ел, не спал,
все ходил, бормотал:

правду не скажет тот,
кто обижен на вас.
он не видит вас,
он видит себя.
и правду не скажет тот,
кто слабее вас.
он не видит вас,
он видит себя.
но правду не скажет и тот,
кто обидел вас.
он не видит вас,
видит себя

правды не скажет никто.
но ты одет в нее, как в пальто
наизнанку

старичок подмигивает и уходит.
а мы же люди вроде бы,
зачем он так строго,
по-хармсовски?

раз быть человеком — так больно и дорого
и, возможно, уже не модно,
давай расколдовывай себя,
расколдовывай,
превращайся в кого-нибудь.
у нас так много разных животных

* * *

хорошо, когда кто-то прав.
больно, когда — никто.
страшно, когда — все

* * *

что посадил ты, человек?
неужто камень?
так славен будет первый урожай.
но лучше бы — картошку или свеклу.
смеркается.
смекай себе, смекай
не мешкая. есть календарь посадок:
пропустишь день — и все пойдет насмарку.
и всходы будут хильми, хоть поливай заваркой,
хоть посыпай золой.
бывает, человек сажал перчатку,
а хочет дом с трубой, —
так это все пустое.
ведь из перчатки вырастают руки,
кольшутся в тумане над рекою.
а хочешь дом — тогда сажай свободу,
ее недавно видели в лесу.
блаженны будут все твои посадки,
что в срок, с умом, с любовью и с отказом
от результата,
ибо тем богаты,
что ничего не надо.
а если надо, все равно скажи — не надо.
и в землю закопай,
и надпись напиши.
и крест поставь,
и скоро ты увидишь:
начнется новый день, и камень прорастет.

и станет он картошкой или свеклой,
хурмою, баклажаном, мандарином —
кому как повезет.
кого как повязали, поливали
и удобряли гордостью какой,
какой тропой
ходили на базары
и продавали новою ценой.
как платим мы за семена живые,
а каждый раз восходит сад камней.
а кто из камня вырастит дорогу,
тот и найдет на ней.
мы — милые мичуринцы слепые:
все новые и новые сорта.
закончились слова —
какая красота.
а новых слов пока не завозили.
и там, где мы их вроде посадили, —
отныне пустынь.
мы урожай на спины погрузили.
смотри,
нас наконец-то отпустили
в терновый куст

* * *

эскапист-эмпат: уйду из своей реальности в вашу

* * *

человек содержания пришел к человеку формы.
говорит: давай друг друга полюбим,
станем наконец полными,
станем такими цельными,
станем такими целыми.
с первого раза поймем
смысл жизни и цель ее

человек формы улыбнулся,
поставил чайник

и кричали они, и кончали,
и впадали в отчаянье

человек содержания покидал человека формы
наполовину пустой, наполовину заполненный,
недоосмысленный,
недооформленный.
«потому что нет никакого дома, — он думал, —
кроме того, что мы помним»

а человек формы
с горя купил себе три мороженных
и все слопал

* * *

без любви чувствуют себя
как последняя сигарета в пачке,
когда по ту сторону разговора
доносится предложение покурить

в любви чувствуют себя
одной из двадцати сигарет
новой, только что купленной пачки,
которая ждет руки,
берущей
не глядя

* * *

«побойтесь Бога, — говорят они, —
придумали чертей,
чтоб все свалить на них, —
погрешности, грехи.
а нам-то каково,
когда еще старик Карнеги
заметил нас и говорил:
не делай, дескать, ты другому
чего не хочешь сам»

и сразу нет нас.
сразу нет

* * *

сегодняшний снег —
как кнопка выключения дурных мыслей

* * *

это ж надо, какая досада.
где же самая верная шпаргалка,
за какой подкладкой,
в каком носке?
это ж еще в школе переучили всех правых.
что ты, как бабушка после инфаркта,
трясешься на простыне?
одеяло съехало,
а самой не поднять.
где медсестры твои, где твои медбратья?
лишь ординаторской ординарец гордый
поднимет капельницу на рейхстаг.
ты сдала весь генеральный штаб,
а имя свое не помнишь.
бабушка шепчет:
только не выключайте снов!
я в темноте без очков
ничего не вижу.
а палата ждет,
когда она наконец уснет,
и стоит, и дышит.
шпаргалку выстреливает рукав,
да не тот параграф.
бабушка, бабушка!
это не хрип, а храп.
она могла б
вообще ничего не сдавать,
не писать контрольных,
а сидеть возле учительского стола
и смотреть светло и спокойно

* * *

в субботнем метро
сочиняли заповеди
для муравьев

* * *

да, конечно, заповеди и Библия.
но нет ли у тебя, Господи, для нас
еще каких-нибудь пожеланий?

* * *

ищу словарь,
чтобы сказать на твоём языке
хотя бы одну верную фразу.
попадают только карты твоего города,
схемы проезда,
подробности переименования улиц
и примерные цены на недвижимость

обвинить бы
в несущественности нужных слов,
города,
тебя.
предъявить иск на карманные дни
всем упущенным возможностям,
отчаянным постояльцам здешности.
машинально спохватившись,
случайно вспомнив,
потом всю жизнь получать проценты
с твоего голоса,
проводящего очередную границу,
до полной бессмыслицы,
до щелчка

тонкие правила художественного перевода
не умещаются на твоей руке.
повернись. вот так.
буду читать тебя на ночь,
медленно вынимая чужие закладки, —
без спроса, без оснований, —
дове́ди меня до того места,
где наконец сможем увидеть,
какова сегодня вода

* * *

чего же ты хочешь, девочка,
дудочку иль кувшинчик?

землянику, дедушка.
да еще никого не обидеть

так вот какая ты хитрая девочка.
отвечай: заглядывала под листики?
к самой земле нагибалась?
там растет невидимая земляника.
тьма-тьмущая, прорва.
тысячи ягод, как на фронте,
идут в атаку.
выбирай же:
дудочка иль кувшинчик?

нагибалась, дедушка, наклонялась.
нет там ягод, одни листики.
а под листиками — земля.
земляники б, дедушка.
да еще никого не обидеть

вот какая ты странная девочка,
жалкая, слепая кукла.
земляника — под каждым кустом,
за каждым деревом.
коли нет глаз, просунь руку.
что ты чувствуешь,
что ты чуешь?

сладкий запах и сок на пальцах
чувствую, дедушка, вижу:

это дудочки и кувшины.
кувшинята и дудки, дудки.
сколько их.
все поляны, все небо.
без конца и без края растут.
налетай же

земляники хочу, земляники.
да еще никого не обидеть

вот какая ты злая девчонка.
коли так, то не будет тебе
ни кувшинов, ни дудок, ни неба,
ни того, перед кем извиниться.
а найдешь наконец землянику —
не узнаешь и не унесешь

так сказал он и топнул ногою.
и исчез

ну давай, попробайся, попробуй
никого не задеть, не обидеть.
ведь растет земляника повсюду,
только каждый ее сторожит.
в мире без земляники, дедушка,
нет обид.
посильнее ее придавить —
брызнет сок.
это любовь или Бог?
да что с тобой, девочка,
это всего лишь кровь.
оставь в покое.
конечно, ты не подумала бы простое
или плохое.
прости и пой.

долгая дорога домой
закончится,
и ты донесешь
полные, полные карманы ягод —
все, что ты выстрадала, осознала.
а земляника цветет как ни в чем не бывало,
словно меньше ее не стало.
и одна ягода — слишком много,
но сколько ни собирай — все мало,
короток век и неровен час.
расти и пой
в землянике по горло.
мы сироты ее, солдаты.
дедушка, не обижайся на нас

* * *

ОНИ ВСЕ ОПОМНИЛИСЬ
и наконец отвернулись

* * *

поддавшись чужому желанию,
не сдавайся же своему.
сколько же ждать
окончания боя?
военное искусство
всем нравится
преподается
ссылкой к бабушке и
Ирой Гавриловой, плюющей в твоём подъезде
прямо в лицо.
как отважно ты уворачиваешься, партизанка.
как уводишь список тех, кто придет на твои
похороны,
на другие земли,
в мирное время,
где бомбы
распутятся порноэкраном
совести и привычки,
чтоб мы поняли то, что помнили,
и остались живыми до неприличия
в телеграммах на ту сторону

* * *

и с вершины этого дня
безымянными журавлями
мы тянемся в сторону рая,
норки собственных тел
безукоризненно волоча.
кто-то нас остановит и спросит:
простите, далеко ли до ада?
мы ответим:
не знаем,
направляемся в рай.
значит, эта дорога не ваша,
а ваша — другая:
поверните направо,
и там, за углом — это ад.
мы сказали: спасибо,
и с вершины этого дня
поменялась цепочка
одна на другую.
муравьиная стая
за угол заходит, звеня.
в этом мире углов
не бывает неверных сторон.
правы все.
кто идет — тот приходит.
а куда — узнаем настолько
потом,
что — не скроем

* * *

таблица умножения
одновременно и таблица деления, —
все, что нужно знать о жизни

Юлия Тишковская
Бог любой сложности
Стихи

Фотография на обложке
Сергея Тихонова
Оригинал-макет
Сони Кобринской

Подписано в печать 21.11.2013. Формат 60×84¹/₁₆
Гарнитура Arno Pro. Печать цифровая
Усл. печ. л. 10,7. Print-on-demand